

О наших учителях

Ольга Тулинова

ЩЕДРОСТЬ ДУШИ И ТАЛАНТА

К 45-летию педагогической деятельности Т.Н.Хренникова

Имя Тихона Николаевича Хренникова в особом представлении не нуждается. Его творчество не раз оказывалось в поле зрения исследователей, но педагогический опыт музыканта до сих пор остается малоизученным. Это тем более удивительно, что Хренников несколько десятилетий вел класс сочинения в Московской консерватории, воспитал целую плеяду композиторов, в числе которых А. Чайковский, Т. Чудова, В. Кикта, М. Броннер, В. Беседина, И. Габели, И. Лученок, М. Дунаевский, А. Градский и многие другие. За годы работы Хренников-педагог создал свой неповторимый преподавательский стиль, вобравший в себя характерные черты русской национальной художественной традиции, с одной стороны, и индивидуально-личностные особенности самого композитора, — с другой.

В данной публикации мы не ставим перед собой задачу систематизировать и обобщить педагогические принципы Мастера, но предлагаем читателю самостоятельно сформировать представление о типичных особенностях «школы Хренникова» на основе высказываний учеников композитора о своем учителе, влияние которого на их профессиональное и человеческое становление трудно переоценить.

ВЯЧЕСЛАВ ОВЧИННИКОВ

В истории музыкальной культуры есть личности исключительные. К таким, бесспорно, можно отнести Тихона Николаевича. Человек редкой чистоты, скромности, он всю свою жизнь преданно служит искусству, поражая современников богатством и многообразием художественной деятельности. Думаю, все, кто имел возможность общаться с Тихоном Николаевичем, ощущал незаурядность его личности. Хренников — человек подлинных жизненных ощущений, любви ко всем, обладающий глубоким и искренним чувством сострадания к ближнему.

90-летие со дня рождения композитора, широко отмечавшееся в 2003 году, заставляет задуматься: все ли сделано нами для сохранения и изучения его наследия?

Тулинова Ольга Владимовна, член Союза журналистов России, преподаватель фортепианного отделения Елецкого училища искусств им. Т.Н.Хренникова, Елецкого государственного университета им. И.А.Бунина (музыкально-педагогический факультет). Автор ряда статей и монографий: «Елец — любовь моя», изданной к 90-летию Т.Н.Хренникова (2003), «Щедрость души и таланта. Т.Н.Хренников — педагог», изданной к 70-летию творческой деятельности композитора (2005), и «Неиссякаемый источник вдохновения» (Художники елецкой земли XIX — XXI вв.) (2006).

Много написано о его музыке и еще будет написано. Но я хочу затронуть тему: Хренников-педагог.

В консерватории по классу композиции я занимался у профессора С.С.Богатырева, по дирижированию — у профессора Л.М.Гинзбурга. Так случилось, что когда я перешел на пятый курс, Семен Семенович умер, и встал вопрос, у кого из преподавателей я буду заканчивать консерваторию? На вопрос ректора, А.В.Свешникова, я ответил: «Только у Хренникова». Но Тихон Николаевич в тот момент (1961 год) в консерватории не преподавал и, по его словам, не собирался. В те годы он был в водвороте музыкальной жизни страны, руководил Союзом композиторов СССР, вел активную концертную, исполнительскую, общественную деятельность. И все-таки, по просьбе руководства прославленной консерватории, согласился со мной заниматься. Поэтому можно с уверенностью и гордостью говорить, что я был первым учеником, с которого началась педагогическая работа Хренникова в консерватории.

Уже при первом знакомстве я попал под обаяние его удивительной личности. Он поразил меня своей эрудицией. В его памяти оказалась запечатлена масса впечатлений от встреч с известнейшими людьми, с которыми он общался, у которых учился...

В работе Тихон Николаевич никогда не предлагал готовых решений. Он пробуждал, будоражил мысль студента, но настолько тонко и тактично, что найденное начинало ученику казаться его собственным открытием. Главное же состояло, на мой взгляд, в том, что к каждому начинающему композитору Хренников подбирал единственно возможный «ключ», открывающий «потайные секретные замки» в душах молодых музыкантов. Перефразируя слова Маяковского, можно сказать, что девизом Тихона Николаевича как педагога было: «Больше композиторов, хороших и разных!».

И это очень важно! Ведь вместе с композиторской техникой ученики невольно становятся склонны приобретать и черты индивидуальной композиторской манеры своего учителя, оказываясь, зачастую, перед опасностью утратить какие-то драгоценные качества собственной индивидуальности.

Наверное, никто не будет оспаривать, что находки в искусстве часто рождены импровизацией. Уроки Хренникова были вдохновенной импровизацией, с живыми параллелями к другим искусствам, разнонаправленными ссылками на самые различные примеры из музыкальной литературы, остроумнейшими рассказами из прошлого и настоящего музыкантов, да и не только. И все это ярко, броско, увлеченно. Можно понять, почему уроки Хренникова вызывали настоящие «аншлаги», а посещали их даже люди, не имевшие прямого отношения к консерватории.

«Лейтмотивом» таких занятий-импровизаций часто бывали конкретные соображения по поводу какой-либо «технологической» задачи. Ошибка студента никогда не становилась поводом для нравоучений, но превращалась в импульс к рождению яркой, образной мысли, «окруженной» настоящим фейерверком «афоризмов от Хренникова» об «экономии тематического материала», о важности личных человеческих качеств художника, об опасностях, таящихся в первом успехе молодого музыканта.

После окончания консерватории моя связь с Тихоном Николаевичем не только не прервалась, но часто становилась более интенсивной, превращаясь в этапы моей собственной биографии.

Тихон Николаевич дорог мне своей естественностью и простотой, не сыгранной, которую мы нередко встречаем, а удивительно органичной, идущей от естественности и ясности его таланта. Корни такой естественности — в глубинных народных пластах, в том спокойном и ясном ощущении духовной силы, которая льется со страниц древних русских летописей, былин, сказаний, так явственно ощущается в могучем строе старинных русских песен. Он сам оттуда, от этих привольных полей и лесов, спокойных, чистых равнинных речек, от русской песни, что так дивно пела его мать Варвара Васильевна, из городка Ельца, каких тысячи разбросано «во глубине России».

Сознание, что среди нас живет такой художник, невольно наполняет меня чувством гордости, но гордости без всякого привкуса чванливости. Ведь Тихон Николаевич не потому хорош, что он русский, но потому, что он композитор, вышедший из недр русской культуры и проникшийся всемирной отзывчивостью, столь свойственной этой культуре.

Однажды Тихон Николаевич сказал, что если ученик добивается успеха и не видит в этом заслуги учи-

теля, то последний может гордиться. Он сумел все настолько органично и незаметно в него вложить, что тот даже и не заметил этого. Такая «незаметность» — одно из высших качеств этого большого мастера, глубокого музыканта, мудрого человека.

ТАТЬЯНА ЧУДОВА

Отчетливо помню тот весенний день, когда я впервые пришла к нему в класс. Тихон Николаевич сидел за роялем, вокруг — ученики. Когда мое волнение улеглось и я немного освоилась с обстановкой, профессор Хренников спросил, могу ли я показать свои сочинения. «Сыграйте, пожалуйста, то, что Вам самой больше всего нравится, что Вы считаете самым удачным». Тогда, помню, я сыграла хор «Апрель», и Тихон Николаевич, очевидно, сразу получил представление о моих вкусах и возможностях. Хор был выдержан в русском стиле, фольклор мне всегда был близок, и Тихон Николаевич это почувствовал. Думаю, этот эпизод можно рассматривать как мудрый педагогический прием, использованный Тихоном Николаевичем не только для того, чтобы получить представление об ученике, но и понять, как его развивать дальше.

Однажды, еще в мои студенческие годы, Тихон Николаевич принес в класс стихотворение ленинградского поэта Всеволода Рождественского «Багряный свет». Мы все получили задание написать на эти стихи произведение любой формы. И через неделю, когда все принесли свои работы — баллады, поэмы, песни, — состоялся необычайно интересный урок, который я запомнила на всю жизнь.

Оказалось, что каждый по-своему представил себе возможности стихотворного текста, по-своему почувствовал его содержание. У кого-то получилась музыка эпически-распевная, у кого-то — бурная, взволнованная, грандиозно-масштабная или, наоборот, — скромная. И в классе шел увлекательный разговор о единстве музыки и слова, о том, как музыкальные эмоции придают новое значение стихам, раскрывают и углубляют их смысл.

Находясь более сорока лет рядом с Хренниковым как его ассистент, я внимательно наблюдала за его работой, за тем, как он понимал суть и задачи педагогического творчества в композиторском деле, где с каждым студентом идет детальная, кропотливая, индивидуальная работа.

Даже если и случались многолюдные уроки в классе Хренникова, то не потому, что у многих были одни и те же проблемы. Просто на чужих ошибках было легче учиться. Одним из главных педагогических принципов Т.Н.Хренникова является то, что сначала он подметит в человеке положительные качества, а потом уже будет отыскивать недостатки, их причины и помогать от этих недостатков избавляться.

Общаясь с Тихоном Николаевичем, я наблюдала его не только в классе консерватории, но и дома, и в Союзе композиторов. Находясь в круговороте музыкальной жизни страны, он поражал всех своим невероятным темпераментом, эмоциональностью, фанатичной преданностью музыке, творчеству, на которое — увы! — оставалось не так много времени.

Те же качества он стремился передать и нам, начинающим композиторам. Как известно, у древних философов процесс обучения сравнивался не столько с

«наполненным сосудом», сколько с «незажженным факелом». «Надо и наполнить сосуд, и зажечь факел», — так трактовал эту идею Тихон Николаевич. А это подразумевало и высочайшее профессиональное образование, и внутреннее душевное горение.

Если говорить о «школе Хренникова», которую прошли его ученики, то это скорее всего то, что впитывалось из самой атмосферы уроков Тихона Николаевича. Хренников абсолютно четко выяснял для себя в первую очередь — кто перед ним, что нужно дать этому человеку. Занимаясь с учеником, Тихон Николаевич старался улучшить сочинение ученика, не скупиться на идеи, подсказки, щедро делиться своим умением, опытом. В такой щедрости музыкальной мысли, пожалуй, главная особенность Хренникова-педагога.

Но и как человек Тихон Николаевич удивительно доброжелателен. Думаю, что талант доброты этой идет от широты его натуры, с детства впитавшей величие родной истории, русской культуры вообще и музыкальной в частности. Желание помогать людям для него — естественная потребность. Среди творческих людей и композиторов всегда есть те, кто ловчее, удачливее, и кто никогда не поможет, не порадуется за коллегу, а наоборот. Потому-то Тихон Николаевич всегда оставался убежден: необходимо помогать таланту, сестра же пробьется сама.

Сегодня, когда у меня у самой огромный педагогический опыт работы в консерватории, могу сказать, что значение Тихона Николаевича в моей жизни не только как педагога и композитора, но и как человека, невероятно велико. Одно его присутствие рядом «сделало» всю мою жизнь, мое становление творческое, человеческое, педагогическое. После родителей Тихон Николаевич для меня самый главный человек.

АЛЕКСАНДР ЧАЙКОВСКИЙ

В жизни каждого человека бывают моменты, которые надолго, подчас навсегда, определяют его дальнейшую судьбу. Для меня, как и для многих музыкантов, мечтающих стать композиторами, такой момент наступил, когда я стал студентом класса Тихона Николаевича Хренникова.

Все мы прекрасно знаем, насколько бывал занят Хренников, как невероятен, непостижим был объем его деятельности. Но даже будучи по делам в Ленинграде, он специально приезжал в Москву, чтобы провести урок, уже одним этим заслуживая безграничное уважение и доверие своих учеников. Когда Тихон Николаевич лечился или отдыхал за городом, то занятия проходили как обычно, потому что все знали: «шеф» обязательно приедет. А если занятия все же отменялись по каким-то уважительным причинам, то потом, либо в своем кабинете в Союзе композиторов, либо дома, Тихон Николаевич обязательно проводил пропущенный урок. Такое отношение подкупало не только своей честностью, добросовестностью. В нем проявлялся высший педагогический профессионализм, свойственный лишь большим мастерам своего дела.

Процесс обучения в «школе Хренникова» был незаметен. Индивидуальных занятий практически не было — здесь все слушали всех. Ведь обсуждая друг друга, анализируя общие ошибки, учишься сам. Конечно, не каждый выдерживал подобную систему. Но лично мне подобный ход урока очень многое давал.

Хренниковский класс всегда был большим. В нем всегда царила атмосфера доброжелательности. Никогда Тихон Николаевич не стеснялся признавать ошибочность каких-нибудь прежних своих впечатлений. «Знаешь, прошлый раз мне не понравилось, а сегодня думаю, что лучше ничего не переделывать», — так учитель иногда приятно удивлял кого-то из нас. Гневался он редко, но вообще-то его демократизм по отношению к студентам, по-моему, не всегда правильно понимался. Сам он иногда сетовал, что позволяет кое-кому слишком распускаться. Помню, он слушал одного из студентов, не баловавшего педагогов частыми посещениями.

— Ну что ж, очень толково. Вы ведь у нас на первом курсе?

— Нет, на четвертом, — последовал робкий ответ.

— Как на четвертом? Но для четвертого курса это совершенно недостаточно! И чем вы вообще занимаетесь, я вас совсем не вижу..

Так, после похвалы, бедный студент получал крепчайший разнос. А потом мы все очень смеялись, и первый — сам Тихон Николаевич.

Сам маэстро повторял, что научить сочинять музыку нельзя, да и не нужно. Нужно только не мешать способному человеку и иногда, если необходимо, что-то ему подсказать. Отсюда важнейшая особенность его педагогического метода — максимальная свобода действий для студента. При этом Тихон Николаевич с самого начала приучал с большой требовательностью относиться к каждому такту сочиняемой музыки, пусть даже заведомо ученической. Заставляя нас по несколько раз переделывать неудачное место, учил профессионализму, мастерству, терпению и трудолюбию.

Хренников никогда не был противником самых смелых поисков, увлечений. Но при этом всегда ориентировал нас на создание музыки для публики. Один из центральных тезисов Хренникова-педагога — всегда помнить о слушателе и исполнителе. Думаю, это идет от самой натуры Тихона Николаевича. Как композитор и как артист он всегда стремится, чтобы музыка производила впечатление на слушателей. Этот же критерий он применял и в оценке студенческих работ, говоря: «Используйте любые средства, но помните, что в результате должна родиться музыка, обращенная к людям».

Еще одна особенность педагогического метода Хренникова — отрицание так называемой жанровой ступенчатости, свойственной некоторым педагогам, ведущим своих учеников «от простого к сложному». Уже на первых курсах Тихон Николаевич мог посоветовать студенту попробовать себя в такой сложной форме, как квартет или квинтет. А позднее, уже зрелого, по консерваторским нормам, композитора вдруг нацеливал на работу над «простыми» сочинениями — романсами, фортепианными пьесами. По собственному опыту знаю, что это приносит ощутимо полезные результаты. Так гораздо легче находить себя, свободнее ориентироваться в многожанровом море музыки. А это бесценная помощь в самостоятельной работе.

Важнейшая педагогическая черта Хренникова — его забота об учениках. Как много он помогал нам в разных житейских проблемах! Достать лекарство, устроить в больницу, написать письмо в ЖЭК... К сожалению

нию, не все из его учеников помнят это, а ведь кто-то этим пользовался в свое время!

Дом Тихона Николаевича был и для его учеников домом. Нас там кормили, поили, обсуждались концерты, премьеры, справлялись дни рождения дорогого учителя. Для меня самое главное, что в доме Тихона Николаевича я познакомился с Е.Светлановым, Л.Коганом, И.Безродным, Б.Покровским, М.Хомицером и другими выдающимися людьми, с которыми потом уже сам работал, творчески сотрудничал. А со сколькими композиторами здесь познакомился! Здесь бы надо было бы вспомнить чуть ли не половину Союза композиторов. В общем — наблюдение, разговоры этих людей с Тихоном Николаевичем были для нас колоссальной школой.

Вопрос о том, что такое «школа Хренникова», правомерен. Все мы, в основном, писали музыку в расчете на слушателя и на исполнителя. В основном, все его ученики и поныне следуют этим постулатам, а значит, «школа Хренникова» существует.

И я, и Чудова в наших отношениях со студентами стараемся быть так же полезными своим ученикам и в жизни, как Тихон Николаевич, и всегда повторяем слова учителя после каждой сессии: «Каникул у вас нет, все время думайте, работайте, набивайте свой портфель!»

Окидывая взором свою композиторскую биографию, скажу, что не будь Тихона Николаевича, вряд ли бы я был композитором. Ведь я был довольно сильным пианистом и психологически не был уверен в том, что писать музыку есть мое призвание. И только Тихон Николаевич убедил меня, что ориентир для меня — сочинение. Больше ни один человек, даже близкие люди не верили. Для меня это было время тяжелого психологического переустройства. Я вынес это только благодаря Тихону Николаевичу, которому верю до сих пор.

ВАЛЕРИЙ КИКТА

Красноречивее любых слов о работе Хренникова-педагога говорят сочинения и творческие судьбы многочисленных учеников, в числе которых посчастливилось быть и мне.

Тихон Николаевич — интересная, ярчайшая, незаурядная личность! Влюбленный в музыку, он был и остается великим тружеником. С первых наших встреч я понял, что главным объектом внимания должна быть музыка, ее выразительная сущность, наполненность содержанием, а не секреты композиторских приемов, техники. Ну и, конечно, — упорный труд, в котором была и радость творчества, и благоговейное отношение к искусству.

Научить ученика восхищаться музыкой, пробудить любовь к искусству, разжечь свечечник и пронести его сквозь годы увлеченных занятий — не в этом ли суть музыкального образования? Для этого педагог сам должен быть беззаветно предан своему делу. И ярким примером в этом отношении и сегодня служит для меня Тихон Николаевич. К нему в полной мере может быть отнесено высказывание Б.Асафьева о том, что «...только тот, кто поистине одержим стихией искусства и насыщен им, имеет нравственное право развешивать в других».

В чем же заключаются характерные черты Хренникова-педагога?

Прежде всего отмечу, что занятия Хренникова всегда отличали живая непосредственность, свежесть восприятия, горячее, страстное отношение к делу, к тому, над каким материалом студента приходилось работать. В немногих словах Тихон Николаевич мог высказать многое, «зажечь» ученика найденным музыкальным образом, подкрепленным поэтическими сравнениями, ассоциациями, а иногда одним лишь выразительным жестом. Неудивительно, что в процессе общения с профессором практически каждый ученик старался мобилизовать свои силы, память, способности, возможности держать. Иногда приходилось быть свидетелем случаев, когда скромный по своим композиторским способностям ученик, втянутый в атмосферу высокой, требовательной и необычайно одухотворенной работы, мог сделать то, чего, казалось, трудно было от него ожидать.

Уроки Тихона Николаевича не только давали готовые сведения, но и учили думать с ним вместе, искать, сопоставлять, побуждая переживать восторг творческого поиска, найденного решения. Уроки Хренникова, всегда проходившие в атмосфере подлинного профессионализма и артистической честности, являли пример органичного соединения живого творчества, направленного на раскрытие замысла сочинения, с настойчивой, конкретной работой над его композиторским воплощением. Особенно заботился Тихон Николаевич о том, чтобы желаемое было по возможности достигнуто тут же, в классе. Он как бы объединял в одно целое свои усилия и усилия ученика, подкрепляя их самыми разнообразными приемами воздействия. Среди них и меткие образные сравнения, и великолепные показы за инструментом, и особое, по ходу урока, «дирижирование». Сущность первого приема заключается не в том, чтобы иллюстрировать музыку словами, а в том, чтобы подсказать ученику нужный образ, характер, «извлечь» из его эмоциональной памяти нужное чувство, активизировать его творческую фантазию. Всякого рода словесные сопоставления, сравнения как бы включали у ученика способность, по меткому выражению Тихона Николаевича, «переводить явления одного мира восприятий в другой».

Что касается показов за инструментом, игры самого профессора — то атмосфера звуков погружала ученика в высокую художественность, побуждала ученика к самостоятельному звуковым поискам, воспитывала в нем глубокую внутреннюю сосредоточенность.

«Дирижирование» Тихона Николаевича, на мой взгляд, помогало ученику найти нужный ритм, темп и характер сочинения. По мнению самого Тихона Николаевича, этот прием особенно важен для работы ученика в классе над поисками конкретного ритма. «Плохо ли, хорошо ли — не знаю, — признавался Маэстро, — но простым жестом, взмахом руки можно иногда гораздо больше объяснить и показать, чем словами. Да это и не противоречит самой природе музыки, в которой всегда подспудно чувствуется движение, жест...».

МИХАИЛ БРОННЕР

Мне давно хотелось поделиться своими мыслями о Тихоне Николаевиче Хренникове. И если что-то оттаивало — помимо обычных трудностей собраться и организовать, — то это чувство глубочайшего пиетета перед личностью большого художника. Отсю-

да и особая ответственность за каждое слово о нем, за степень полноты, точности и достоверности впечатлений двадцатилетней давности. Да, судьбой мне была дарована возможность знать выдающегося мастера — музыканта и человека, учиться у него, общаться с ним на протяжении десяти лет (сначала в училище, затем в консерватории и аспирантуре) и в последующие годы, встречаясь в Союзе композиторов, на заседаниях правления, а также на концертах.

Тихона Николаевича можно было бы назвать консерватором в педагогике, не вкладывая негативного смысла в это понятие. Он ставил перед студентами четкие задачи. Время показало, что в своих замечаниях Хренников был прав: всем нам прежде всего необходимо было познать главные механизмы композиторской профессии. При этом он никогда не запрещал использовать новейшие приемы композиторской техники, но на первое место ставил те неизменные основы композиции, которые надо было освоить обязательно. Часто повторял: «Помните, что вы являетесь правниками Чайковского».

С первых встреч с Тихоном Николаевичем я интуитивно почувствовал: он действительно «глыба» — цельная, монолитная, противостоящая житейским бурям «скала», о которую разбивались козни многих его критических недругов. Между ним и окружающими всегда сохранялась незримая дистанция, не допускавшая ни панибратства, ни угодливости, ни пустословия. Эта дистанция не подавляла собеседника, но позволяла ощущать и осознавать взаимное чувство личного достоинства. Устанавливалась некая планка высоких норм человеческого общения, которую нельзя было снижать или обходить. И эту высоту неизменно держал сам Тихон Николаевич. Показательно, с какой выдержкой и кажущейся невозмутимостью (чего это ему стоило!) он в дни всяческих критик в его адрес (особенно в конце 1980-х) отбивал злобные нападки, не позволяя себе ответной грубости и, тем самым, одерживая моральную победу. Именно в такие минуты становилось очевидно: мужество, стойкость, принципиальность — это и есть важнейшие слагаемые интеллигентности в ее подлинном, традиционном, «старорежимном» понимании.

И другая, столь же существенная сторона интеллигентности присуща Тихону Николаевичу — неподдельная доброжелательность, отзывчивость, деликатность, особенно по отношению к «нижестоящим». С первых занятий с ним не помню ни одного резкого критического замечания (конкретный совет — другое дело!) по поводу допущенных мною ошибок в заданиях. Говоря о методике преподавания, могу сказать, что педагог Хренников строго руководствовался принципом постепенного перехода от более простого к сложному, внимательно учитывая уровень исходной подготовки студента, степень успешности освоения им нового материала.

Уже сегодня очевидно, как яркие черты творческой индивидуальности Хренникова — последовательность, логичность, колоссальная концентрированность в работе, требовательность к каждому сочинению, долгое «вынашивание» любой интонации, фразы, темы — повлияли на формирование моего композиторского облика. Тихон Николаевич — человек европейской культуры — практически во многих своих сочинениях ос-

тавался приверженцем классических построений, — и это тоже в некоторой степени ощутимо в моей музыке. Но не со всеми особенностями стиля учителя я согласен, что тоже отразилось на становлении моего творческого «я» впоследствии.

Известно, что «класс Хренникова», как единое художественное содружество, никогда не складывался ровно и «сам по себе». Его формирование требовало от Тихона Николаевича бездну сил, внимания и такта. И если «театр начинается с вешалки», то класс безусловно начинался с атмосферы того безоговорочного доверия, без которого немисливо творческое общение учителя и ученика. Хотя авторитет и сила влияния Тихона Николаевича были едва ли не абсолютны, диктат в прямом понимании отсутствовал в его методе. Сегодня, когда я сам преподаю, я все чаще вспоминаю слова Тихона Николаевича о том, что «в педагогике нужна большая осторожность в общении с учениками, здесь не должно быть места деспотизму. Ученик должен не слепо подчиняться, а убеждаться в правоте своего учителя».

Для этого, по мнению Хренникова-педагога, необходимо изучить не только особенности характера ученика. Ведь овладение методикой может помочь научиться писать музыку, но еще не рождает художника, композитора. Здесь последнее слово за всем комплексом человеческих и душевных качеств, широтой кругозора, способностью видеть и любить жизнь. Прежде чем сделать замечание, Тихон Николаевич всегда старался уяснить для себя, к чему в данном произведении стремится ученик, и если его замысел казался ему оправданным, он ему помогал, не нарушая в целом хода его воображения.

«Ученик — это «живой материал», — подчеркивал Хренников, — он растет, меняется, обнаруживает новые качества. Тут нужны и гибкость, и разнообразие методов воздействия при неуклонном стремлении к цели, которая достигается педагогом только в случаях знания своего воспитанника, согретого чувством». Однако при всем уважении к ученику (оно неизменно ощущалось в самом тоне разговора) Хренников никогда не утрачивал ясного представления о масштабах его дарования. Это во многом объясняет высокий «коэффициент полезного действия» занятий, часто с весьма нелегкими и непростыми учениками. Значит ли это, что иногда Тихон Николаевич «следовал» за учеником? Конечно, нет! Чутко прислушиваясь к индивидуальности своего воспитанника, он был в ряде вопросов непреклонен. «Главное, — говорил он, — это понимание замысла сочинения. Его определяют драматургия сочинения, образы».

Давая указания, убеждая, Тихон Николаевич говорил просто и понятно. Он не терпел «педагогических мистификаций». Будучи композитором-практиком, он мыслил предметно и четко. Ему, насколько понимаю и как вспоминаю, были чужды заумные и мелочные музыкально-теоретические анализы «живой плоти» произведения и, тем более, мнимо глубокомысленные рассуждения вокруг и около образно-идейного его содержания. Речь его была образной и красноречивой.

Нельзя забывать и то, с каким тактом и умением в трудный процесс развития своей педагогики включал Тихон Николаевич деятельность своих ассистентов (Чудову, А.Чайковского и др.). Он никогда не считал, что

все знает, и даже в зените своих достижений охотно советовался со своими помощниками и коллегами. Часто совместно обсуждались отдельные ученики, определялись моменты, тормозящие их развитие, намечались пути к исправлению. И всегда это делалось с удивительным тактом, человечностью, сочетающей строгость большого наставника с добрыми чувствами друга.

Значение Тихона Николаевича в моей жизни трудно переоценить. Благодаря ему от ученичества, робкого благоговения перед музыкой я перешел к деловому, серьезному отношению к своей профессии. Уроки Тихона Николаевича для меня стали не только уроками композиторского мастерства, но уроками человеческой доброты, лишенной всякого практического смысла. Такие люди, как он, рождаются и встречаются крайне редко. Тем он и дорог, думаю, не только мне, а всем, кому довелось его знать, общаться с ним в течение разных периодов времени, по сей день.

ВАЛЕРИЯ БЕСЕДИНА

В процессе общения с Тихоном Николаевичем и в студенческие годы, и сегодня, когда я стала самостоятельным композитором, хочется отметить одну особенность учителя, касающуюся его человеческой сущности. Он был и есть очень доходчив. К нему не надо приспособляться, его не надо было узнавать, призывать к нему. С самого начала он был ясен, определен, открыт. С ним всегда легко говорить даже на те темы, которые могли быть причиной споров, в которых, кстати сказать, Тихон Николаевич был собеседником «на равных», никогда не демонстрируя своего превосходства. Я бы сказала так: Хренников прост в своем величии и велик в своей простоте.

В педагогической практике по композиции существует такая тенденция: ученик сознательно или нет, но старается быть похожим на своего учителя (по стилю письма, в поведении). Иногда такое «подражание» бывает вынужденным. Есть, к сожалению, такие педагоги, которые довлеют над студентом, и тому приходится поневоле гасить свою творческую индивидуальность, направляя фантазию в русло, которое требует педагог. Что касается Тихона Николаевича, то я не припомню, чтобы он требовал от ученика конкретного стиля. Никакого диктата! В нем заложен удивительный дар перевоплощения в того ученика, который в данный момент сидел у рояля. Это было потрясающее умение всячески стимулировать сильные стороны того или иного дарования и осторожно, бережно «вытягивать» из него недостающие элементы с учетом вкусовых симпатий и природных данных. Ведь переделать композиторское нутро ученика невозможно, да Тихон Николаевич и не ставил перед собой такой задачи. Он неизменно находил совершенно неожиданные пути к развитию творческих возможностей студента. При этом образность мышления была главным, чего он добивался прежде всего. Наверное, в том, что он не навязывал свою волю и давал возможность молодому композитору раскрыться самому, делать то, что хочет, нежелая то, что хотел бы услышать сам Тихон Николаевич, — особенность педагогического стиля композитора.

Говоря на уроках о значении мелодии, Тихон Николаевич часто повторял, что современная мелодия станет тогда шлягером, когда в ней будет присутствовать интонация, корни которой мы обнаруживаем в лучших

образцах классиков. Он полагал, что мелодия должна узнаваться слушателем на некоем генетическом, подсознательном уровне, в иной, разумеется, форме, жанре и объеме. Самое трудное для композитора — найти свое, не похожее ни на что иное... Главное — все должно идти от чувства прекрасного, стараться быть искренним в музыке, вкладывать в нее весь свой талант, умение, душу, как вкладывает их любой честный человек в важнейшие деяния своей жизни.

Вспоминая наши уроки с Тихоном Николаевичем, хочется сказать об их необыкновенной, доброжелательной атмосфере. Все, кто находился в классе: студенты, вольнослушатели, аспиранты, не оставались без внимания профессора: рабочие показы своих сочинений молодыми композиторами хотя и подвергались критике, но маэстро всегда находил тот баланс, чтобы не погасить желание, творческий порыв, нацеленность на перспективу. Для него главным всегда было взаимопонимание в общении. Он умеет не просто слушать, он слышит человека, независимо от того, кто перед ним. Думаю, это идет от его уникального таланта быть прежде всего человеком.

Что касается вопроса: композитор — женская ли профессия? — то одной из самых главных проблем в этой профессии, традиционно считающейся мужской, является умение оставаться верной себе, своему стилю и при этом постоянно эволюционировать. Композитор — профессия без пола. Предубеждение в отношении женщины в композиторском деле возникло, скорее всего, среди коллег-мужчин. Композиторский труд, несомненно, тяжелый, требующий полной самоотдачи, воли, выдержки, высокой организованности, — словом, тех качеств характера, которые принято называть мужскими. Воспитанию этих качеств в себе я во многом обязана Тихону Николаевичу.

Как я понимаю смысл выражения «школа Хренникова», которую прошли мы все, его ученики в разные годы? Если подразумевать «школу композиторскую» — то это только часть понятия, включающая приоритет чувств, романтическое мироощущение, красивую мелодику. Другая часть понятия — это «школа жизни», обретенный опыт человеческого общения, взаимопонимания, взаимопроникновения. Тихон Николаевич дал нам уроки любви и добра, честности и непреложные законы творца: слышать, слушать, понимать. Основу его школы составляет его собственный опыт в жизни и творчестве, которым он щедро делился с нами, никогда не создавая дистанции и барьеров.

...Прошло немало времени с тех пор, как я закончила Московскую консерваторию. Но память моя хранит студенческие годы, уроки в классе Тихона Николаевича. И в этой памяти — постоянная, невыразимая словами благодарность ему за «связь времен», за познания, за величие духа и дел в служении большому искусству и людям.

МАКСИМ ДУНАЕВСКИЙ

У каждого из нас в жизни был или есть человек, которого можно назвать добрым гением. Для меня этим добрым гением является Тихон Николаевич Хренников, у которого мне довелось учиться в консерватории по классу композиции.

О прославленном композиторе мне много рассказывала моя мама, когда я был еще мальчишкой. С ее

слов знаю, какими теплыми были отношения Хренникова с отцом, какую роль сыграл Тихон Николаевич в судьбе Исаака Осиповича как человек и как Председатель Союза композиторов страны. Но это отдельная история.

Вспоминая уроки Хренникова, на память приходит высказанная им однажды фраза: «Никто не обещает вам легкого композиторского пути. Не хочется показаться таким мрачным скептиком, но предостеречь надо: не считайте годы, проведенные в консерватории, лишь ступенькой в большую жизнь. Это не репетиция, не набросок будущей картины. Это — сама жизнь, основное содержание которой составляет кропотливый каждодневный труд. Иначе напрасно ждать хороших результатов в деле, выбранном вами». Так говорить Тихон Николаевич имел полное право, поскольку все, чего он достиг, было непросто. Необходимы были колоссальная целеустремленность, недюжинные усилия, жесточайшая «утилизация» времени увлеченного своим делом человека. Вспоминая хронометраж обычного дня Хренникова 1960-х, 70-х, 80-х, 90-х годов, поражаешься тому, какое количество дел он вмещал. Со стороны казалось, что поток этот вот-вот захлестнет. Но при всей его занятости каждый, кто к нему обращался, — обязательно находил ободряющий совет, помощь, большой заряд положительных эмоций. Видя ежедневный, напряженный график работы этого человека, осознаешь, что в устремленности к большим и настоящим целям он принимал вереницу дел как необходимый момент не только своей профессиональной деятельности, но и жизни.

Что же все-таки главное в этом человеке?

По-видимому, это бережное, уважительное отношение к людям. Его многочисленные ученики, аспиранты, ассистенты и коллеги не раз убеждались в том, как вовремя сказанное слово поддержки, внимание окрыляло и вдохновляло собеседника на преодоление, казалось бы, самых невероятных житейских или музыкантских проблем. Как тонкий психолог, Тихон Николаевич обладает удивительным свойством — вселить в человека уверенность в собственных силах, как педагог — потрясающим умением проектировать программу индивидуального личностно-профессионального становления.

Его широкая эрудиция, мощный интеллект, помноженные на активный творческий труд и понимание жизни, притягивали и притягивают к Хренникову как молодежь, так и умудренных коллег-профессионалов.

Наблюдая Тихона Николаевича на уроках, всматриваясь в лица присутствующих учеников, о многом догадываешься, многое понимаешь: равнодушных, безучастных или нейтральных среди них нет. Хренников создает вокруг себя мощное энергетическое поле музыкальных переживаний, заражает окружающих своим исполнительским энтузиазмом. С его предложениями, советами и замечаниями можно соглашаться или нет, но то, что он умеет воодушевлять, вдохнуть в каждого искру вдохновения, — отрицать, наверное, не будет никто. «Для меня главное — сплотить студентов вокруг яркой, значительной идеи, — говорил Тихон Николаевич. — Именно в этом я вижу одну из важных задач как педагога».

И решал он эту задачу по-разному. Единого рецепта для всех у него не было. Хотя, впрочем, один есть:

самому быть влюбленным в свое музыкальное произведение, в каждую его черточку, интонацию. Если композитор работает на эмоциональном подъеме, то он сумеет передать частичку своего «я» и слушателям. Сказанное может быть расценено как своего рода наставление молодым композиторам Тихона Николаевича. Его нестареющая музыка, песни ведь до сих пор любимы! А секрет прост: они написаны сердцем, душой, в них есть мелодия.

В одной из наших давних бесед о современной музыке Тихон Николаевич горестно как-то сказал, что «...мелодия — это то сумасшествие, которое кончилось крахом. Где она сегодня, в наш грохочущий и мечущийся век? На фоне современной “попсы” красивая мелодия — это событие, это тот духовный оазис, на котором держалась всегда русская музыка».

Признаюсь, что мои композиторские пристрастия начинались ведь с авангарда — Штокхаузен, Веберн, Берг... Я и сам был в юности достаточно «левым» композитором. Лишь с годами вкусы переменялись в сторону демократической музыки, демократических жанров. И в этом огромное влияние на меня оказал Хренников, чье творчество всегда отличал демократизм, как, впрочем, и стиль его общения с людьми и учениками.

Если говорить о моих жанровых пристрастиях, на которых непосредственно сказались влияние Тихона Николаевича, то это скорее всего мюзикл и киномузикл, т.е. жанры, к которым Маэстро сам не раз обращался. Это не означает, что я не писал или не пишу в академическом, классическом направлении. Есть у меня и симфоническая, хоровая, инструментальная музыка. Но так сложилось, что к слову «серьезная музыка» я никогда не относился серьезно... С годами я нашел свой жанр, в котором и работаю.

В процессе общения с Хренниковым ценным для меня были не только его советы, касающиеся технологических проблем в композиторском ремесле, но и долгие, душевные беседы о музыке, современной музыкальной культуре, о месте современного композитора в ней. И здесь очень важна его мысль о том, кому адресовано творчество композитора сегодня. Впрочем, не только сегодня. Эта серьезная проблема была и раньше.

В консерватории обучают многому, но не всегда помнят о том, что будущего композитора необходимо приучать к проникновению в чужую психологию, к изучению психологии творчества, одним словом — помнить о слушателе, любить его, как и любить те музыкальные образы, которые создаешь. В этом смысле Тихон Николаевич всегда будет для меня наглядным образцом для подражания. Выбирая свою тему в музыке, он прекрасно понимал, что раскрытие в музыке тайны человеческого сердца возможно только в том случае, если сердца эти близки и понятны ему самому, их чувства и переживания связаны с живыми людьми, а не с вымышленными созданиями. Слово «композитор» — человек, сочиняющий музыку, — переходит сегодня в разряд старомодных. Чаще читаешь и слышишь об «авторе музыкальной идеи», «мастере коллажа». Тихон Николаевич — именно композитор в старинном понимании этого слова — из тех времен, когда не разделялось умение создавать музыку, исполнять ее, красноречиво говорить о ней.